

МАРИЯ ВЕЧКАНОВА

Предание

Мария Вечканова

Предание

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23141523

ISBN 9785448382734

Аннотация

Помните старинную историю о драконе, похищающем молодую девушку? Так вот, это все было очень-очень давно и превратилось в легенды, которые рассказывают детям на ночь. И Элин, главной героине, очень нравится мечтать о тех временах, наслаждаясь мирной реальностью. Но в один прекрасный день все изменилось, когда, придя домой, Элин увидела ужас в глазах родных. Неужели крылатая тень снова нависла над родным домом?

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	29
Глава 5	49
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Предание

Мария Вечканова

*За окном зима,
Все метет метель.
Не идет весна,
А я жду капель.
Я все жду его...
Он придет на заре,
Постучится в дверь
И войдет легко.
Принесет в глазах звезды,
Что будут сиять
В моем сердце. И слезы
Теплом озарят.
В волосах свежий ветер
Приведет за собой.
Все невзгоды на свете
Станут чистой водой.
А улыбка его,
Точно солнышка свет,
Вдруг коснется легко,
И растает весь снег!
И поднимет меня
Тепло ласковых рук.
Тихо спросит, тая:
«Ты ждала?». И вокруг
Запоют сразу птицы,*

*И зальется капель...
Ты со мной, и весна
Наступила теперь.
Элин.*

Редактор Светлана Москаленко
Иллюстратор Мария Вечканова

© Мария Вечканова, 2018

© Мария Вечканова, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4483-8273-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Как же это невероятно прекрасно – сидеть на дереве, вдыхать аромат спелых яблок и свежести тумана, слушать голоса щебечущих птиц и легкий шепоток в пожелтой траве, внимать ласковой песне ветра и чувствовать, что дома, с теплом, ждут. Я залезла на самую верхушку древнего дуба и долго рассматривала старый яблочный сад и лежащие за ним окрестности: широкую равнину, блестящую от росы в лучах заходящей луны; звенящую в такт птичьим трелям заливистую речку и высоченные, молочного цвета, горы.

Нашей деревни было не видать – мудрые предки, памятуя о былых событиях, расположили селение так, чтобы чужой глаз не сумел заметить следов пребывания людей. Ну, кроме старых развалин, конечно. Их-то скрыть было невозможно. Да и незачем.

А вот и долгожданный рассвет! Медленно и неохотно из моря вынырнули первые лучи, позолотили верхушки далеких гор, вдохнули тепло в развалины когда-то могучего города. Каждая росинка сада засияла как тысячи маленьких кристаллов, и весь остров озарился, преобразившись! Большое огненное солнце постепенно открывало умытое око и искало свою верную спутницу. Меня. Я частенько встречала его по утрам. Я подставляла ему свое лицо, и солнце каждый раз дарило мне теплый живительный поцелуй.

Что ж, теперь можно и спускаться. Я легко лазила по необъятным ветвям векового дуба. Он в этом саду самый древний и мудрый. Семейное предание говорит, будто именно вокруг него когда-то и решили высадить плодовые деревья, чтобы они спокойно росли и давали сочные плоды под его покровом и защитой. И даже теперь, спустя несколько веков, наливные яблочки и спелые сливы радовали, наполняли погреба и спасали в холодную зиму. Так будет и в этот раз – не зря же я все начало осени трудилась, собирая фрукты! И сегодняшней день ничем не отличался от предыдущих. Подбирая сочные плоды, я мечтала, и мысли мои блуждали далеко...

Я любила этот старый сад. Он как будто приближал меня к былым временам, когда чудища из сказок были явью и мои предки, спасаясь, бежали в страхе на Потерянный остров.

Несколько веков назад мои пращуры жили совсем в другом месте под названием Большая суша. Считалось, что каждое семейство происходило от какого-то зверя. Наш род брал начало от страшных чудищ, дышащих огнем, сметающих все на своем пути. Драконов. Однако предки жили как и все остальные племена – в мире с соседями.

Ну как в мире!? Именно сказочные прародители каждый год и совершали налеты на все деревни в округе, не жалея своих потомков, и утаскивали людей. Причем, преимущественно девушек. Мудрые пращуры решили раз в год от каждого семейства по очереди собирать девушку, достигшую

семнадцать лет, красавицу и лучшую мастерицу, и отдавать прилетавшим драконам. И набегии прекратились. Злобные ящеры забирали подношение и улетали восвояси.

Так продолжалось до тех пор, пока не пришла очередная наша очередь, и волхвы не указали на мою прабабку Сив. Род поохал и смирился. Красавицу нарядили в расшитые льняные платья, приладили ко лбу повязку, посадили в лодку и начали торжественное шествие к Жертвенной скале.

Да только новоявленный муж ее, Орвар, такого смирения принять не мог. Он рвал и метал, но его приковали цепями, чтобы никак не мог помешать подношению. Но недаром прадед был кузнецом. Он взял железное кольцо и, пусть с тысячного раза, но все же разогнул его своими могучими ручищами и ринулся на помощь любимой.

Видно, неспроста его родители назвали Орвар, то есть стрела, – казалось, он летел быстрее ветра, быстрее смерти. Быстрее дракона. Да и наконечники, которые он ковал, били в цель без промаха.

Страшный ящер уже спускался, чтобы забрать себе дрожащую девушку, но Орвар на краткий миг опередил его. Сив прижалась к мужу как маленький котенок, выловленный из бурной речки. Назад хода не было. И тогда, помолившись, прадед ринулся вперед, с Жертвенной скалы, в морские пучины, надеясь собой заслонить молодую жену. Только так было возможно ее спасение. Скала была настолько высока, что с ее вершины гребешки волн еле угадывались – ни дра-

кон, ни люди не смогли бы ничего ни разглядеть, ни найти.

Но Бог сжалился над ними. Молодожены оба остались живы! И даже больше: рядом со скалой волны прибили старое большое бревно. Орвар усадил Сив на него, вскарабкался сам, и они поплыли, будто на маленькой лодке, навстречу солнцу.

Но спасение пришло совсем не быстро. Весла не было, и волны играючи носили бревнышко по морским просторам. Так и маялись смельчаки два дня, а на третий на рассвете увидел Орвар землю.

Это был остров. Остров, на котором посередине стоял разрушенный дворец, опоясанный земляными кольцами. Владыки ушедших лет обвели город вокруг дворца круговыми каменными стенами и на мостах у проходов к морю всюду поставили башни и ворота. Некоторые постройки выглядели простыми, а в других искусно сочетались камни разного цвета, предавая им естественную красоту. Также было заметно, что стены вокруг наружного земляного кольца по всей окружности запечатывали в медь, нанося металл в расплавленном виде, стену внутреннего вала покрывали литём из серебра, а стену самого дворца – орихалком, испускавшим огнистое блистание.

Ко времени моего рождения внешние земляные кольца уже порядочно осели и о них напоминали лишь небольшие бугорки вокруг древнего города, так что взору сразу предстала облупившаяся медная стена. Так же впоследствии вы-

яснилось: никто не знал и не селился на острове до приблудших молодоженов, потому что Потерянный имел странное свойство проявляться только в лучах закатного и рассветного солнца.

Орвар и Сив вдаль от дворца увидели могучий дуб, и решили посадить вокруг него сад. И тут же, рядом, срубили себе добротный дом. А на полуразвалившихся стенах древнего города прадед запечатлел историю своего рода в память потомкам. С тех пор минуло несколько веков, и старое предание отчасти стало легендой, которую рассказывали всем детям, дабы память о начале рода не угасала...

Ого! Солнце стоит уже в зените! А я размечталась и не заметила, как принесенные мною с утра корзины до отказа наполнились фруктами. Теперь надо по одной перенести их домой.

Наши корзины имеют удивительное устройство: две ручки с одного боку, и поэтому их можно вешать за спину. Это мой отец Эмиль придумал! Он вообще много чего полезного изобретает и умеет заботиться об окружающих. Поэтому люди и выбрали его вождем. Поэтому и отдала ему свое сердце красавица Мета, ставшая впоследствии его женой. Еще когда он был отроком безусым, но уже побеждал на кулачных боях бородатых мужей и первым своим изобретением спас жизнь Меты и ее матери, моей бабушки. А дело было так: стояла лютая, по нашим меркам, зима, и северные ветра принесли на своих плечах чудо дивное, белое и пушистое, но холод-

ное и пронизывающее, которое в далеких странах называется «снег». Мета с ее матерью замерзали в своем хорошем, но не рассчитанном на такие холода, доме. Эмиль же справился с этим ловко и быстро: он попробовал снег на ощупь и залепил им щели в стенах дома. Просто? Просто и элементарно! Но никто до этого больше не додумался. А мой отец спас той зимой много жизней.

Вот и последняя корзина на подходе! К концу дня такой простой работы у меня появлялось жгучее желание поскорее попасть домой, обнять мать и отца и съесть что-нибудь посытнее фруктов. Последний плетеный короб привычно оттягивал плечи, когда я вышла к оврагу, откуда видно нашу деревню. В ней не много домов, каждая семья рода живет отдельно: во времена прадедов все ютились в одной хате, но потом решили разделиться. Семейство наше все так же было крепко, зато у каждой малой семьи теперь была своя крыша над головой, а следовательно, и больше пространства для развития.

По-прежнему, мы все делали вместе: охотились, рыбачили, устраивали праздники и делились друг с другом новыми идеями. А по воскресениям у нас в роду был особый праздничный ужин: каждая семья приносила к общему столу что-нибудь вкусненькое, да эдакое, чтобы порадовать и удивить остальных. После ужина мужчины рассказывали истории, а женщины занимались рукоделием. И на общем людском суде выбирали самую лучшую мастерицу. Так и встре-

чали закат.

Родное крыльцо приняло мои усталые ступни, широкие двери распахнулись навстречу, и повеяло уютом. Я дома!

Глава 2

Как только я переступила порог, сразу поняла: что-то не так. Не было в сенях слышно звонкого смеха матери и звучного баса отца. Я кинулась в дом – пусто. Предполагая всевозможные ужасы, которые могли бы случиться, я побежала в самое большое деревенское строение – Общинную избу.

Здесь люди собирались держать совет и в холода устраивали воскресные праздники. А строили его, еще когда я была маленькой. До сих пор помню совсем молодого отца, несущего на себе среди остальных честных молодцев огромные ровные, пахнущие живой сладостью бревна... Просторная и добротная вышла домина! Она строилась с расчетом на будущие поколения, так что наша немалочисленная община даже как-то по-сиротски сейчас уютилась в самом центре у очага.

Я не ошиблась, придя сюда!

Здесь собрались все жители деревни до единого. Кроме меня. Они выглядели запуганными, сидели на скорособранных пожитках, а отец восседал на самом почетном месте и, угрюмо постукивая пальцами по дубовому столу (это всегда означает, что он в замешательстве), слушал рассказ нескольких мужчин. Я подошла поближе. Увидев меня, отец перестал хмурить брови, и глаза его потеплели. А мать кинулась обнимать и целовать меня. Я ответила на ее объятья и поин-

тересовалась:

– Что случилось? Почему все тут и напуганы так, как будто призраки стали ходить по улицам?

Мама вздохнула:

– Твое предположение недалеко от истины. Призраки или нет, да только несколько людей в деревне видели сегодня огромную крылатую тень. Как из древних легенд. И из стада овец пропали два барана. Мы волновались – нашли и предупредили всех, кроме тебя. Многие мужчины отправились в яблочный сад искать мою старшую дочь, Элин, и вернулись ни с чем.

Мне стало стыдно: это наверняка именно они приходили, когда я перед уходом не удержалась и снова забралась на древний дуб полюбоваться красотами окрестностей. Я слышала какой-то невнятный шум внизу, но не обратила особого внимания. Пробежали мурашки по спине: а если бы это была таинственная крылатая тень?

Сказки сказками, но мы помним и чтим древний ужас, таившийся среди наших предков: пращур Орвар слишком хорошо и точно все описал. Потому и заповедал жить в такой глуши под прикрытием листвы деревьев. И не много находилось смельчаков покинуть насиженные места, чтобы увидеть Большую сушу. Два или три за всю историю нашего рода на острове. Никто из них так и не вернулся.

Мои братья и сестры сидели рядом с мамой: два брата-близнеца Андерс и Андреас, появившиеся на свет через

два лета после меня (им сейчас пятнадцать зим), и две сестры, Ирен восьми годков и Лусиа – пяти. Все они светловолосяные, с большими голубыми глазами – в мать.

Мы же с отцом были счастливыми обладателями светло-русых голов, отливающих золотом, и серо-небесных глаз, обведенных черным углем по краям. В нашем роду считалось, что такие отличия встречаются лишь у человека, который сможет совершить какие-либо невероятные подвиги или даже изменить традиции всего рода. Нам пророчилась удача и вечное покровительство прародителей. Поэтому сородичи всегда стремились как можно больше общаться с любимцами судьбы.

Такие черты были и у деда Орвара, и у бабки Сив. Таков был и мой отец: сказывала я про его молодые годы? Сейчас уже к его бороде прилипло порядочно «снега», и за это время много неразрешимых задач он разрешил.

Что же касается меня... Все-то сказания на мне не сбывались. Еще до моего рождения мать обещалась отцу подарить первенца-сына. Животик у нее был кругленький и большой, так что ничего не предвещало беды. Однако на свет появилась я. Отец легко смог полюбить меня и смириться. Он сразу понял, что это неспроста, и дал мне имя Элин, что означает светлая, избранная. И стал воспитывать вместе со скоро подоспевшими братьями.

Я училась махать мечем, ездить верхом, стрелять из лука, ловить рыбу, определять местоположение по звездам и, са-

мое любопытное, – у меня это все отлично получалось! Да и вообще мальчишеская удаль мне была не чужда – в любой войнушке – заварушке я была в числе первых.

Мать же учила меня всяким женским премудростям – и в этом я преуспела! Немного найдется у нас на острове мастериц, обгонявших меня в рукоделии. Правда, здесь не все мне давалось так хорошо – я не умела прихорашиваться и выставлять себя напоказ. Мне было легче, если я все сделаю, пока никто не видит, а уж потом представлю на суд людской. Быть может, все дело в обещанной удаче? Пока отец и мать были рядом, у меня всегда все получалось, или мне так казалось, потому что теплым одеялом мою душу согревала их поддержка? Когда же я должна была сделать что-то сама, да на людях, я жутко волновалась, и потом мне всегда было ужасно стыдно. В чем тут дело и как этого избежать – не могу понять до сих пор.

Зато есть у меня одна такая чудесная черта, за которую многие важные девки-мастерицы отдали бы все свои умения. Я умею петь! Когда я пою, все вокруг замолкают, и даже птицы замирают в ожидании чего-то прекрасного! Никто меня этому не учил. Просто однажды, разведывая остров, я нашла место гнездовья соловьев и долго слушала их пение. Вдруг поняла, что хочу петь с ними. Петь в радость, созидая голосом мир, наполняя гармонией дом, питая звуком души. Петь так, как взвизгивает гордая и сильная птица, расправив могучие крылья, и паря высоко. А потом я присоединилась к со-

ловушкам... и у меня получилось! Я предвкушала именно этот звук... и его сотворила! Зеркало прозрачных нот и хрустальных созвучий затащило меня, показало всю истинную красоту и глубину голоса... С тех пор я пою!

Вот и сейчас, посмотрев на всех этих напуганных людей и ребятишек, я завела древнюю балладу. Песнь об отважном пращуре Орваре и его преданной любви Сив, которые смогли бросить вызов самим драконам... и выжили! Я пела тихонько, однако все сразу смолкли и, несмотря на то, что слышали эту историю много раз и даже знали наизусть, никто не стал меня прерывать. Я видела, как в глазах людей появляется слабая уверенность в завтрашнем дне, как зарождается надежда и разливается радугой в человеческих сердцах. Пока мы вместе, пока мы помним старые законы, крылатые ящеры нас не тронут.

Баллада окончилась, и воцарилась тишина. Отец встал, подошел ко мне и обнял крепко-крепко. Если бы холодные ветры не закалили его, я бы подумала, что он плачет. Но ни одна слезинка не упала из серых глаз. К нам стала подходить и остальная родня, и вскоре уже все стояли на ногах и обнимались. Это хорошо. Это то, что нам сейчас нужно!

На общем собрании дружно решили остаться на ночлег в Общинном доме. Младшая сестренка Лусия жалась к моему правому боку, а Ирен к левому. Обе искали защиты и спасения от неведомой крылатой тени. Мать и отец еще остались на совете старейшин.

Братья Андерс и Андреас сегодня были не такими шутивными, как всегда. Они унаследовали от отца чудесное свойство к изобретательству. Только пока все больше шалили, чем делали что-то полезное.

Я в семье самая старшая, и это накладывает на меня ответственность. Младшим многое прощается, в том числе и шалости, а с меня другой спрос. Я вздохнула и поправила одеяло, сшитое из шкур. Вечная привычка Лусии во сне ворочаться! С грустью подумала, что завтра не встречу рассвета, еще раз вздохнула поглубже, и почти моментально уснула.

Глава 3

Люди во многом держатся за все привычное и боятся нового и неизведанного, всегда сначала пытаются воевать, затем задобрить, а потом – молиться или просить о пощаде. И ничего уж тут не поделаешь. Немного находится во все времена сильных духом, чтобы попытаться дать отпор новшеству-ужасу не мечем, а мыслью; пойти наперекор всеобщему мнению и отстоять-таки свою веру и взгляды. Что ж, похоже, сегодня мне уготовано оправдать данное мне от рождения имя.

Я привыкла просыпаться с рассветом, но когда разлепила глаза, поняла, что солнце уже опередило меня. Видать, сказались события вчерашнего дня. Сестренки еще мирно посапывали рядом. Я тихонько встала и решила выйти во внутренний двор – умыться. Тут меня ожидало новое потрясение.

С дальнего края деревни клубами валил серый жирный дым. Я перепугалась не на шутку и побежала будить отца. Однако к своей великой радости я поняла, что опоздала – он и еще нескольких старых мужей уже несли студеную воду в глубоких ведрах. Если бы мне сейчас не было так страшно, я бы залюбовалась: мокрые бугры стальных мышц отличали золотом в лучах красного солнца; капли, расплескивающиеся от быстрого бега, так и сияли разноцветными раду-

гами... Все это я заметила краем глаза, кинувшись будить родичей, которые могли помочь потушить пожар. Уже через пару мгновений, дружно подхватив корзины (прутья так туго сплетены меж собой, что ни одна капелька воды не просочится), мы помчались к реке.

Жар от огня был страшен! Мужчины никого не подпустили близко и сами заливали пожар. Через некоторое время стало ясно, что последние два дома уже не спасти – пламя нещадно поедало остатки добротных жилищ. Тогда мы облили водой близстоящие дома и стали копать небольшую траншею между горевшими и еще непоколенными участками земли – благо, дома стояли далеко друг от друга, так что мы успеем вырыть порядочно, пока жар доберется до нас.

Копать землю кинулись все, кто способен держать лопату в руках, в том числе и мои братья. И я. Отца не порадовало, что я тоже присоединилась к работе, но времени сейчас спорить со мной у него не было. Упертость – у нас в роду! Мы копали до натруженных мозолей, до боли в груди; мы задыхались дымом и катившийся градом со лба пот мешал видеть землю. Хотя куда там моим жалким усилиям до удалости родни! Мне надо сделать двадцать гребков, братьям – два, а отцу – один. Однако я силилась мыслить, что мое участие приносит хоть маленькую, но пользу.

Немного погодя пожар стал затухать. Жар поуменьшился. Огонь забрал себе несколько домов, но остановился перед неожиданной преградой. Не зря мы долго и упорно труди-

лись! Я стояла рядом с отцом и смотрела, как догорают, шипят горячие угли; как плачут люди, жившие здесь... Конечно, мы все поможем построить им новые дома, однако утрянного добра уже не вернуть.

А еще вовсе не радовала мысль, что, наверняка, пожар устроил дракон. Никто не говорил об этом, но я читала на лицах людей – они тоже так думают.

С этим надо что-то делать! Вчера – загадочные тени и пара овец; ночью – пожар; что же нас ждет сегодня? Я мысленно стала перебирать все возможные варианты борьбы с драконами, но тот, который мог принести эффект – только один. Девушка! Семнадцати лет. И незамужняя (никто в нашем роду после всего, что случилось с дедом, не станет больше отдавать дивчину, встретившую свою любовь или вышедшую замуж). По роковому стечению обстоятельств, в нашем роду только одна оказалась подходящей для подношения. И это я.

Я сразу же постаралась прогнать от себя столь прескверную мысль, но глубоко в душе она, все же, не давала мне покоя. Я попробовала подумать о более приятных вещах: после такого непростого утра не грех было бы и вымыться.

Однако отец собрал всех и велел идти назад, в Общинную избу. И посмотрела бы я на смельчака, который бы посмел его послушаться. Так и шли мы, все понурые, грязные и до смерти голодные. В Общинной избе специально на такой случай держался небольшой запас провизии: сушеная

рыба и немного вяленого мяса, пахучие травы и грибы и, конечно, яблоки.

После сытного, но мрачного перекуса отец велел всем, включая и детей, усаживаться полукругом. Мама в этот раз сидела рядом с нами, маленькая Лусия свернулась клубочком у нее на коленях, а Ирен пристроилась с другого боку.

Андерс и Андреас остались стоять за маминой спиной. Сегодня с шалостями покончено, сейчас они защитники. Я посмотрела на них внимательнее: как же они выросли и возмужали за эти два дня! А может, братья всегда такими были, просто я этого не замечала? Мне вспомнилось, как они выходили с отцом в море и работали не хуже взрослых мужей; как придумали новые сети, в которых можно было уместить в два раза больше рыбы, чем обычно; как братья увидели сегодня в горящем доме маленького котенка и оба ринулись его спасать. Правда, от чрезмерного усердия в дверях столкнулись лбами друг с другом, и внутрь попал только один, но кто именно из-за их похорожести сказать было сложно. В общем-то, храбрости и ума (если только дело не касается котенка в горящем доме) им обоим было не занимать. И когда придет время посвящения в воины, отца они не опозорят. Другое дело, что ребячество, возможно, так и останется в братьях до старости. Хотя, возможно, это и не так плохо. По крайней мере, глядя сейчас на этот неразлучный дуэт, сложно предположить обратное.

Я уселась возле Ирен. Отсюда мне хорошо было видно

отца. Старое волнение вновь накатило, и сжавшийся в горле комок мешал дышать. Я почувствовала на себе чей-то взгляд. Повернулась в его сторону – это смотрела мама. Ее всегда лучистые глаза были наполнены нежностью, лаской и теплотой. И я невольно почувствовала прилив сил.

– Все будет хорошо! – прошептала она мне одними губами. Я ей поверила, ком в горле разжался, и я благодарно улыбнулась.

Мне казалось, мать всегда чувствовала, что происходит в моей голове, и какие мысли по ней блуждают. Не знаю, как это у нее получается, но даже отец никогда не мог скрыть от проницательной мамы все свои тяжкие печали.

Моя мать всегда была образцом мудрости и любви. Недаром же фактически каждый житель нашей небольшой деревеньки приходил к ней за советами в делах семейных ли, знахарских или житейских – мама всегда помогала.

Возможно, именно поэтому мы с братьями и сестрами росли в мире и согласии – без материнской мудрости и папиной руководящей руки мы вряд ли бы стали теми, кто мы есть.

Хотя мама уже давно отвернулась, ее теплый взгляд все еще грел мою измазанную щеку. Я вздохнула и приготовилась слушать отца. Однако пока говорили по большей части старейшины: с одной стороны страшно выходить на улицу, а с другой, здесь ведь тоже много не насидишь. В итоге, мудрые деды придумали два возможных разумных варианта: ли-

бо выходить из Общинной избы и продолжать свои приготовления к зиме (дракона во всей красе ведь до сих пор никто не видел), либо собирать нажитое имущество и искать новый дом.

Меня удивило, что никто не вспомнил о девушке. Хотя, судя по редким взглядам, кое-кто все же подумал об этом и нашел-таки счастливую претендентку. Я почувствовала, что краснею. Люди спорили и повышали голоса все больше и больше. И тут я поняла, что так больше не могу. В моих силах защитить дом, а я сижу и, как последняя трусиха, жалею себя. Ну и пусть меня не станет, зато будут жить они! До следующего года у них останется достаточно времени, чтобы собрать порядочно еды и сладить добротный корабль. Возможно, новое место примет их более благосклонно. Я вскочила, и все споры разом смолкли.

– Я пойду! Я пойду к дракону! – голос мой дрожал, губы прыгали, но это не имело никакого значения. Я уже решила свою судьбу.

– Нет – спокойно возразил отец. – Пока я вождь, ты будешь меня слушаться.

Никто не решался вступить в наш разговор. Даже мать. Краем глаза я заметила, как побелело ее лицо. Возможно, это был первый и последний раз, когда она не смогла или не успела понять, что происходит в душе ее дочери. Что ж, я люблю тебя, мама...

– Ты вождь, но какой с того толк, если весь твой народ

истребит злобный ящер? – я знала, что он меня не отпустит, поэтому надо было действовать быстрее. – Я люблю вас!

С этими словами я понеслась наружу так быстро, что чуть не выбила широкую резную дверь. Вспомнила, как мы выпивали ее с братьями и отцом и слезы стали застилать глаза. Но я опомнилась – не время себя жалеть. Я знала – никто меня не хватится несколько мгновений: отец не ожидал слушания, да и у всех остальных были такие вытянутые от удивления лица, что я точно могла сказать: шанс все же мне обеспечен. Я не стала забегать домой за платьями для красоты обряда – еще замешкаюсь, догонят, – а сразу понеслась в сторону яблочного сада. Никто не знал его так хорошо, как я. Вскоре за спиной послышалась погоня. Вот бы только добраться до древнего дуба, там уж я смогу замести следы так, что с собаками не сыщут.

Отец знал, что в такой непростой ситуации я единственная, кто может всех спасти. Он охотно пошел бы на жертву вместо меня: чем хуже ладный воин, вождь, чем красная девица? Но он нужен там. Маме. Братьям и сестрам. И, в первую очередь, роду. Если я погибну, они все смогут выжить. Если он – не выживет никто. И в этом суть.

Я так смогла запутать погоню и преспокойно бежала трусцой. Передо мной открыт теперь только один путь: Молочные горы. Наши предки подношение всегда приносили на Жертвенной скале, да и драконы живут в горах. Моей задачей теперь было найти самую высокую скалу и позвать

дракона.

Я не слышала о людях, которые бы ходили к этим горам или изведывали бы их. И ничего удивительного. Каменные склоны источали холод, а на вершинах и вовсе белым пухом лежал неведомый снег. Идеальное место для дракона. Никто туда не ходит и никто его не побеспокоит. Так что если на Потерянном острове все же появился крылатый змей, расположился он именно там.

Когда я добралась до подножия гор, я все еще была чумазая и взмокшая от быстрого долгого бега, так что было бы весьма кстати перед подъемом искупаться в речке. Подойдя к ней, услышала неподалеку клокочущий шум воды и пошла на звук. О! Я не пожалела об этом!

Передо мною раскинул величавые рукава огромный водопад. Хрустальные нити сверкали и переливались на солнце и, падая, рассыпались брызгами. Каждая капелька дарила гладкой поверхности истока реки расходящиеся круги, и поначалу едва ощутимая рябь каждой отдельной нити в унисон с остальными создавала такие мощные потоки, что если стать под ними сметет и не заметит!

От такого дива мне еще больше захотелось искупаться. Не прямо под струями, конечно, но вот в чаше студеной горной воды – с удовольствием. Скинув одежду, я нырнула в прозрачный омут с головой. (С детства люблю купаться и обливаться холодной водой. Это закаляет и тело, и дух.) Ледяные течения подхватили меня и вытолкнули наружу. Я

сильными гребками переплыла чашу и вернулась назад. Наконец-то я почувствовала себя обновленной! Мысли стали ясными и чистыми, подобно воде, которая со мной это сотворила. Спасибо ей!

Закопченная одежда все никак не желала натягиваться на мокрое тело, и я решила чуть-чуть обсохнуть на солнышке. Время до заката у меня еще есть, и не позволить себе, возможно, последние мгновения счастья моей жизни я просто не могла.

Я закрыла глаза и вспомнила, как много рассветов встречала. Казалось, я знала каждый из них. Не бывает, чтобы первые лучи повторяли свое появление, как нет снежинок-близнецов. И, похоже, вчера я смотрела на красное солнышко в последний раз, и оно было поистине прекрасно! Что ж, помните обо мне, светлые ясные зори!

О семье я старалась не вспоминать. Позволяла думать только о том, что они будут жить. И это согревало душу.

Пора. Верные ноги стали уставать в два раза быстрее. Начался подъем. Гористая почва упруго принимала мои избитые ступни, но теперь я отчетливо чувствовала, что здесь чужая. Мой мир остался за спиной. Но назад хода нет. Я поднималась все выше и выше. Стало трудно дышать. Холодный воздух стиснул мою грудь в тиски, слезы застилали глаза, голова начала кружиться. Вот когда я поняла, как мне дорога жизнь! Каждый новый шаг, каждый новый вздох. Только бы они жили! Еще шаг, еще вздох. Только бы все не напрасно!

И вдруг меня как молнией ударило: а вдруг я не найду дракона?! Вдруг он не услышит меня или я ему не понравлюсь? Вдруг он живет не здесь? Эта мысль раньше как-то не приходила мне в голову. Я знаю, что уже не спущусь с этой горы – сил не хватит. Слезы стали литься градом, и я упала в изнеможении. Надо было послушаться отца. Неужто он-то с его изобретательностью что-нибудь бы не придумал?

День стал клониться к закату. Я так отчаянно боролась с собой и с неприступным подъемом, что не заметила, как набежали тучи. Через какое-то время полил дождь, как будто кто-то выплеснул сверху большую лохань воды. И загремел гром. Ну вот и все. Теперь, даже если я доберусь до самой вершины, никакой дракон меня не услышит. Плакать сил уже не было.

Я села на одиноком утесе, предоставив сильным каплям охлаждать мою горячую голову. Не знаю, сколько так просидела, но привела меня в чувство мысль: «А вдруг завтра будет ясная погода? Я могу найти пещеру и переждать в ней грозу, прожив еще одну ночь и встретив еще один рассвет. А потом я позову дракона и спасу наш род». Я подняла голову, казавшуюся невероятно тяжелой и даже прилипшей к груди, встала на шатающиеся ноги и начала на ощупь искать в скале какую-нибудь выбоину, где могла бы укрыться. И – о чудо! – почти сразу таковая нашлась. Даже больше – пещера! Я шагнула вперед, и тьма окружила меня.

Глава 4

Стены пещеры оказались влажными и скользкими. Мои босые ступни скользили в вязкой темноте. Проход, поначалу широкий, стал постепенно сужаться. Спертый, веками не тревоженный, воздух закладывал уши. Шум льющейся с неба воды становился все дальше и дальше и вконец вообще исчез. Мертвая тишина окружала и засасывала в свой темный водоворот. Не знаю, сколько я так шла, но силы стали оставлять меня. Изначально я искала место, где можно было бы укрыться от дождя, но я надеялась на нечто сухое. Здесь же было едва ли меньше влаги, чем снаружи. По крайней мере, мне так сейчас казалось.

Почувствовав изнеможение, я остановилась. Надо отдышаться. И попробовать осмыслить происходящее. Однако обрывки мыслей были рваными и спутанными. В голове звенящая пустота, как будто по большому колоколу ударили с большой силой, а потом все стихло. Я сползла по стенке на землю.

И вдруг почувствовала, будто со стороны, что я пою. Причем уже давно. Но мой звук сейчас больше напоминал хрип – назвать это голосом было бы преувеличенно. Я расслабилась – мне уже терять нечего – и стала вслушиваться в получавшиеся ноты. Почувствовала себя изнутри и попыталась создать нечто прекрасное. Получилось! Голос мой креп

и рос, и воздух неприветливой пещеры наполнился красивой мелодией.

Я пела без слов, но каждый, кто бы услышал, понял, о чем эта песня. О доме, которого я никогда больше не увижу, о матери и сестрах, которых я теперь никогда не обниму, о любимом, которого никогда уже не встречу... Так парит птица, потерявшая свое гнездо и птенцов и готовая броситься от тоски на острые камни; так воет волк на луну, единственное его утешение; так плачет матерый воин, вернувшись домой и найдя развалины на месте добротного дома, в котором он оставил жену и маленьких детей... Стены пещеры запомнят эту песню и, возможно, передадут чистейшие ноты какому-нибудь заплутавшему в горах путнику, станут для него опорой и поднимут его дух.

Песня закончилась. Я открыла глаза, полные слез, и сразу заметила впереди странное зеленоватое свечение. Слезы мешали рассмотреть его источник, но я поднялась и, пошатываясь, побрела на свет. По мере моего приближения он становился все ярче и ярче.

Вдруг я наткнулась на что-то горячее. Зеленоватое свечение раздвоилось. Откуда ни возьмись из-под ног выбились две струйки пара. Какой-то поначалу еле уловимый голубоватый отблеск начал разрастаться, и каждой частичкой своего тела я почувствовала невероятно огромную мощь рядом с собой. А потом глаза мои узрели. Его. Дракона, лежащего, свернувшись клубочком. Крылатое чудище медленно подни-

мало свою, прежде покоящуюся на лапах, голову и смотрело на меня пронзительными бархатными зелеными глазами. Все его тело излучало, слепящий в этой темноте, нежный голубовато-серебряный свет.

Дракон дохнул на меня, и теплый воздух немного высушил мою одежду и волосы. Я пару мгновений смотрела на него... а потом темнота.

Я проснулась, но не стала открывать глаза. Мне сейчас так тепло и хорошо. Наверняка пока за окном ночь, ведь солнечные лучи еще не коснулись моих закрытых век. Быть может, я еще успею встретить рассвет! Мне снился странный сон: я послушалась отца, бежала искать освобождения для семьи, чуть не замерзла в ледяном ливне, нашла пещеру и... дракона?! Вся сонливость мигом слетела с меня, я раскрыла глаза и резко села. Тело тут же начало ломить, и я случайно охнула. Однако никто не кинулся на меня из темноты.

Я сидела на очень теплом камне – дне пещеры, как будто его и мой бок только что кто-то усердно согревал, а в другом ее конце уютно потрескивали угли, на которых жарилась какая-то птица. Рядом была заботливо уложена горстка яблок. Стены, еще совсем недавно скользкие, тоже были совершенно сухие. Интересно, сколько я проспала? И почему дракон не съел меня сразу? Промелькнула шальная мысль: а вдруг

я для него слишком костлява и он хочет меня откормить? Я постаралась загнать ее подальше.

Что ж, я пока жива. И мой желудок уже предательски урчит, – какой смысл отказываться от угощения? Пожалуй, раз уж дракон хочет, чтобы я поела, это и стоит сделать. Я подошла к костру – пища была уже готова.

Мне еще не доводилось пробовать столь сочного и нежно приготовленного мяса. Видимо, это сделал для меня мастер. Неужели дракон? Сложно представить, что это мог сделать он! Однако чтобы здесь был кто-либо еще, кроме нас двоих – совсем невозможно. Я принялась за яблоки. Теперь я точно знала, что это дракон: такие сочные плоды растут только на самых верхушках деревьев и падают на землю либо полностью созревшими, либо так и гниют там. Я пыталась пару раз до них дотянуться, чуть сама вниз не полетела. Ветка подо мной подломилась, и мне удалось только чудом уцепиться за сук. С тех пор я оставила эту гиблую идею. Говорят, будто такие яблоки способны вылечить больного, а у здорового, при их вкушении, ощутимо прибавляются жизненные силы. Честно говоря, люди не сильно приврали. Я почувствовала такой прилив бодрости, что казалось, были бы крылья – полетела!

– Я не очень испугал тебя вчера? – вдруг послышался вкрадчивый бархатный голос в моей голове. Я чуть не подавилась кусочком яблока. Что это? Я схожу с ума? Пытаясь стряхнуть с себя странное наваждение, я замотала головой

из стороны в сторону.

– Ответь мне, пожалуйста. Это важно, – вновь повторил внутренний голос.

Я стала лихорадочно соображать. Собственно, здесь существует два варианта: либо я умерла и поэтому могу общаться с ушедшими за черту людьми мысленно (тогда бы, кстати, объяснился вкуснейший завтрак и яблоки с заоблачных высот), либо я действительно сошла с ума, но тогда я несильно отличаюсь от умершей – какой теперь с меня прок? Голос смущенно закашлялся и сообщил мне новую истину:

– Элин, не только ты можешь слышать мои мысли, но и я твои. Если ты попробуешь все-таки не игнорировать просьбы и пообщаться со мной, нам обоим это значительно упростит жизнь.

Так. Первая волна паники схлынула с меня. Вдохнуть поглубже!.. Фух! Равнодушно подумав, что хуже уже не будет, я решила ответить:

– Кто ты? Почему ты в моей голове? Я должна знать это, чтобы ответить на твой вопрос.

Внутренний голос задорно засмеялся. А лично я пока ничего забавного не вижу.

– Я тот, кого ты видела вчера.

– Тот, кто осветил мне путь и высушил меня?

– Да.

– Тот, кто согревал для меня пещеру всю ночь, чтобы я не умерла от холодной смерти?

– Да. Не думал, что ты помнишь, в каком состоянии была...

Тем временем я продолжала:

– Тот, кто приготовил для меня великолепный завтрак и собрал чудесные, приносящие силы, яблоки?

– Да.

Я почувствовала, что голос улыбнулся. Сомнений не осталось: я точно сошла с ума! Я легла на еще теплый пол и скрестила руки на груди. Все. Хватит с меня чужеродных голосов. Надо расслабиться и подумать о том, где и как я могу быть, и возможно ли как-нибудь избавиться от этого наваждения.

– Ну-ну. Удачи! – хмыкнуло оно.

– Тебя нет – мысленно твердила я, – Это все сон. Конечно, сон! Я так и осталась лежать вчера в темной пещере. Мне очень хочется есть, оттого и снится такая белиберда. Тебя нет, слышишь?

Голос не отозвался. Ура! Все кончилось! Я вскочила и стала думать, как бы проснуться. Наверняка, есть какой-нибудь способ.

Я почувствовала глубокий вздох. Опять в голове. Или слышалось?

– Мне очень жаль тебя разочаровывать, но я все еще здесь. И никуда не денусь. Элин, ты очень забавно думаешь.

Я чуть не завyla от безнадежности!

– А ты со всеми умеешь не вербально общаться, Эб-

бе (на нашем родном языке это слово означает «освещающий»)?

– Мне нравится, как ты меня назвала. Нет. Это редкий дар. Ты особенная.

– Я?! Я имею потрясающую возможность сама с собой общаться! О да, это особенность, да такая, что только об стенку от тоски с разбегу броситься.

– Ты забыла, что я слышу тебя, Элин? Если ты хочешь убедиться в моей реальности, разреши показаться тебе.

– Валяй – ответила я равнодушно, уже даже не задумавшись над смыслом сказанного.

Совсем рядом я почувствовала приглушенное дыхание.

Я вскочила и посмотрела в ту сторону. Два зеленых с голубым отливом глаза по-доброму и с осторожностью смотрели на меня. Сначала медленно, как будто для того, чтобы не испугать, показалась пушистая красивая морда, затем – могучая, гордого изгиба, шея. Поджарое тело почти полностью скрывали большущие, сложенные за спиной, крылья. Сильный хвост заканчивался огромной кисточкой, которая больше походила на длинные волосы и рассыпалась кольцами-кудрями по каменному полу.

Я застыла! Почувствовав невероятное желание прикоснуться к его шерсти, протянула руку, но остановилась, так и не сделав этого.

– Можно?

Зеленые глаза мигнули.

– Да.

Я аккуратно погрузила руку в пушистую пучину на шее чудища. Оказалось, что все его тело как будто соткано из маленьких, приятных на ощупь, перьев. Позже я узнала, что эти невинные перышки крепче металла и тверже камня; они выдерживают любой жар и холод и являются самой лучшей броней, которую вы смогли бы вспомнить из когда-либо виденных или выдумать. Все его тело отливало серебряным цветом – разобрать точнее было сложно из-за плохого освещения.

Создалось впечатление, будто стены нарочно мешают мне его распознать. Я аккуратно провела ладонью по крылу. Дра-

кон немного вздрогнул. Или мне показалось? Я была так заморожена, что почти не обратила на это внимания. Перья крыльев чуть тверже и намного больше, каждое – длиной в пять моих локтей. И таких от верха четыре ряда. Кажется, они сверкают немного чаще телесных перьев, и их цвет еще сложнее распознать.

Но вот еще большее диво: от середины лба по всему гребню до кончика хвоста тянулись совершенно необычные... перья? длинная шерсть? волосы? Это отдаленно напоминает перья петушиного хвоста, но сравнивать их – то же самое, что выдавать за белый гриб поганку. И такие же, только намного длиннее, расплескались по полу из кончика хвоста...

М-да...

– Мне казалось, или ты вчера светился изнутри?

Медленно, чтобы не испугать меня, легкое голубоватое сияние вновь озарило пещеру. Я смотрела, разинув рот. Казалось, каждое перышко становится единственной преградой, чтобы этот невероятный свет не вылился наружу. Я прикоснулась рукой к широкой драконьей груди, где свечение было сильнее всего, – теплая! На миг меня посетило странное желание зарыться с головой в этот пух, укрыться огромными крыльями как ласковым шерстяным одеялом и греться, и спастись ото всех невзгод. Думаю, будет не хуже, чем дома на печи.

– Что ж, раз тебе нравится, я рад. Сегодня ночью, чтобы спасти тебя, я так и сделал.

Я отскочила.

– Зачем я тебе? Почему ты не убил меня, а, наоборот, спас? Почему я могу общаться с тобой, не раскрывая рта? И вообще, что тебе нужно на нашем острове? Зачем устраивать пожар и красть овец? Зачем летать над нашими домами, пугая мирных жителей, если ты не собираешься нас есть?

Зеленые глаза как-то странно, как будто с некоторым сожалением, посмотрели на меня.

– Элин, я не знал, что на острове живут люди. Я чувствовал запах и облетел весь остров с высоты драконьего полета, но вас так и не нашел. В итоге я решил, что мне почудилось. Я действительно был чрезвычайно голодным, потому и решил съесть пару горных овец. Но никак нельзя было понять, что эти овцы принадлежат людям – разве что их чрезмерная ухоженность. Помню, меня это еще очень удивило. Что же касается пожара, то тут я совершенно ни при чем и ничего не знаю.

Я стала рассуждать. Наши овцы, действительно, пасутся на специально отведенном месте за деревней и никто за ними не присматривает. (Просто оттуда, кроме как к нашему поселению, никуда больше не пройти.) Потому их, и впрямь, можно было принять за диких.

Насчет деревни он, положим, тоже не врет: я уже сказывала, что мудрые прадеды специально расположили селение так, чтобы не каждый и не сразу заметил, если только нарочно не искать. А Эббе нарочно и не искал. Он просто облетал

остров, и его наверняка, привлекли старинные развалины, над которыми он и пролетел в поисках людей.

Но пожар? Разве можно каким-нибудь образом объяснить непричастность дракона? Если только... Когда людям сообщили о крылатой тени, они убежали в Общинную избу, все побросав, в том числе и очаги. И в некоторых еще теплились горячие угли. Быть может, полено расколосось и уголек высыпался?... В эдакой-то беготне разве заметишь...

– А почему ты не почувствовал запаха дыма вчера утром? Разве ты мог не знать о пожаре? И ты так и не ответил, что здесь делаешь?

– Ты права. Меня не было на острове тем утром. Но вот почему... Возможно, я и расскажу тебе... Но ты все еще в глубине души считаешь, что это сон. Вот если ты перестанешь упрямяться и примешь истину, как она есть, я, возможно, и расскажу все. Но, наверное, не сегодня. Кстати, с тех пор, как ты пришла сюда, прошла одна ночь и один день. Сейчас на небе звезды. Совсем скоро будет рассвет.

Я ахнула. Батюшки, сколько же это я была в отключке?!

– Ночь и день. И оно того стоило, поверь. Когда ты пришла, то выглядела весьма удручающе.

– То есть, я тебе не нужна?... и никто из нашего селения не нужен? Ты пришел не за жертвой?

– За жертвой? Нет, конечно! Я не ем людей, уж тем более не из рода драконов.

– Откуда ты знаешь о роде? Ты же сказал, что не видел

нашей деревни?

– Иначе бы ты меня не слышала.

Дракон развернулся и позвал:

– Пойдем!

Я опешила! Куда?

– На воздух. Тебе пора домой, а мне надо закончить здесь свои дела. И перестаньте бояться драконов. Никто вас не съест. Живите себе спокойно!

Вот это да! всю мою жизнь меня учили страшиться жестоких и кровожадных ящеров, рассказывали о древних обрядах и о жесткой каре при неповиновении. А оказывается, все не так! Или может, это другой дракон? Эббе похож больше на теплую и мягкую зверюшку, нежели на злющего змея. И эти два образа никак не складываются воедино у меня в голове.

Дракон хмыкнул:

– Поверь мне, ты еще не знаешь очень и очень многого, а то старые мифы разрушились бы в пух и прах. Ну да ладно, я здесь не за тем, чтобы тебя разубедить. Старые сказки прочно засели в твоей голове, а мне совершенно незачем тратить на это свое время. Смотри!

Мы вышли на выступ перед пещерой. Ясное небо с редкими облачками заливало яркое светлое сияние, лунная дорожка приглашающее протянулась на волнах заснувшего моря, а соловьи пели совершенно чудесные песни, и их ноты зеркально отражались от огромных скал.

В моей груди возникло щемящее чувство радости, захотелось петь и плясать. Я вдыхала ночной воздух, наслаждаясь его невероятной свежестью, и радовалась, что жива. Я жива! Никому не надо умирать, мы сможем спокойно жить-поживать себе дальше. Наверное, я впервые за столько времени смогла здраво рассуждать, потому что раньше эта мысль не приходила мне в голову, которая была занята всякой ерундой, усталостью и инородными голосами.

Кстати, о голосах. Что-то я давно уже не слышала своего нового друга. Я повернула голову. Дракон не отрываясь смотрел вдаль. Похоже, его тоже покорила увиденная картина. На уступе умещалась только я, поэтому он просто держался сильными когтями за склон пологой скалы. У меня создалось такое впечатление, что он отчасти перенимает цвет окружающей его среды. Раздираемая любопытством я не удержалась и все-таки решила спросить:

– Эббе, а свой собственный цвет у тебя есть?

А я ведь так и не знаю его настоящего имени.

– Ты наблюдательна. Есть. Но ты слишком агрессивно настроена. Я отчасти понимаю тебя. Но и ты постарайся понять. Драконы могут показать свой истинный цвет лишь тому, кому действительно доверяют. Так же и с именем. Для нас это важно. Хотя, возможно, это тоже всего лишь легенды...

Он почему-то не смотрел больше на меня. А мне вдруг отчаянно захотелось видеть его глаза, как серебрится и пе-

реливается в них отражение звезд, и как луна в их глубине становится зеленоватого цвета...

– Эббе, я понимаю, что доставила тебе уже много хлопот, но можно тебя попросить сделать мне прощальный подарок?

– Что ты хочешь?

Мне показалось, что дракон слегка улыбнулся (хотя, признаюсь, звучит эта фраза несколько зловеще).

– Можешь меня прокатить по звездной глади неба?

– Элин, это очень большая честь, покататься на драконе. Но я исполню твою необычную просьбу, если ты исполнишь мою.

Я похолодела. Что может попросить дракон?

– Элин, ты споешь мне?

И как только угораздило меня помыслить о полете? И о чем я только думала? О пушистых перьях, сильных крыльях, ночном небе над головой и веселом свежем ветерке. Только теперь, когда дракон согласился и повернулся ко мне так, чтобы было легче сесть, мне пришла в голову эта разумная мысль. Однако уже поздно, и я не отступлюсь. И не важно, слышал ли эти сметенные рассуждения Эббе. Я просто не могу. Я опозорю имя своего отца и всего рода, если меня сочтут трусихой. А я такой никогда не была. Вот как, оказывается, сложно сделать эти несколько шагов к его загревку.

Все мои усилия направлены на то, чтобы ноги не дрожали. Каждая секунда стала казаться вечностью. Так я ж ему и петь согласилась после этого. Что со мной? Я ведь знаю, что голос задрожит. Дурацкое неумение показывать себя на людях всегда очень мешало мне жить. И этот случай не исключение. Что ж, можно успокоить себя тем, что этот полет я просто не переживу. М-да... успокоилась, ничего не скажешь.

А потом как-то разом все мои мысли улетучились. Все поплыло как в тумане. Я, вроде бы, подошла к дракону и стала неуклюже карабкаться к нему на спину. Стальные мышцы были горячими и меня как-то все больше пугала мысль, что я вот-вот буду сидеть на драконе. В конце концов, я забралась на загривок. Я стала было придумывать, за что бы мне можно держаться, чтобы не упасть. Теплый пух ласково согрел онемевшие пальцы.

– Обними меня за шею, – сказал бархатный голос в моей голове, – иначе ты все же можешь свалиться. Я, конечно, постараюсь как можно мягче лететь, но на первое время лучше перестраховаться.

– Спасибо. Я лучше пока так.

На самом деле я просто не могла этого сделать.

Вы когда-нибудь ездили на лошади? У нас на острове есть табун диких мустангов, и некоторых мы приручили. Так вот, для того, чтобы стать неплохим наездником, мало знать теорию и сесть в седло. Необходимо слиться с лошадью, прочувствовать ее, стать с ней единым целым. Надо научиться по-

нимать ее желания и настроения. И не бояться. Я стала, вроде, неплохо распознавать язык лошадей, и мне всегда кружило голову единение двух существей.

Но здесь и сейчас... Стать единым целым с драконом – это вовсе не то. Это гораздо глубже. Вот обниму его за шею, и произойдет что-то, чего нельзя уже будет поворотить. А я не уверена, что готова к этому. И он тоже. Я чувствовала это. Потому Эббе и медлил какое-то время. А потом раскинул крылья, оторвался от земли и полетел.

Я летела!..

Очень неожиданно, легко мы поднялись в воздух и стали кругами подниматься вверх. Однако потоки воздуха оказались такими сильными, что чуть не выбили меня из импровизированного седла. Я схватилась за шею. Почувствовала, как клокочет жилка среди закаленных мышц, укрытых теплыми перьями. Это бьется его сердце. Тук. Тук. Тук. Взмах больших крыльев. Новый порыв ветра. Тук. Тук. Тук. Еще взмах... и еще...

Деревья внизу становились все меньше и меньше, еще спящая земля постепенно превратилась в лоскутное одеяло. А потом мы оказались в облаках. Я чувствовала потоки воздуха, которые охватили дракона. Он уберегал меня от сильных порывов и принимал их на себя. Тогда я тоже захотела их прочувствовать. Я прислушалась к взмахам могучих крыльев, ощутила, как напрягаются стальные мышцы, попадая в очередной поток. И проникла в него и в них, будто стала

ими... Я летела! Ветер, моя стихия, проснулся во мне с новой силой. Сердце замирало и хотело выпрыгнуть. Закладывало уши.

А облака сменялись. Сначала были пушистые, как теплая перина Эббе, потом плоский туман, потом темноватые тучные, а потом... мы поднялись выше облаков! и еще выше... выше...

Земля, изредка проглядывающая сквозь облака, стала мозаикой! Я видела много воздушных замков, любовалась их причудливыми формами. Сверху они выглядят совсем не так, как снизу. А надо мной простиралось девственное небо цвета индиго. Начинаясь рассвет. И Солнце. Красное. Нестерпимо яркое. Вокруг которого темнело небо – не просто небо, а небо-космос. Лучше не скажешь. Стали исчезать облака, превращаясь в неясную пленку тумана. Внизу показались горы. Мы пролетели над одной из вершин довольно низко. И море... Оно постепенно затопляло землю. Я его не видела отчетливо из-за тумана, но знала, что это оно. Мы начали снижаться.

– Держись крепче! – мелькнул у меня в голове бархатный голос. Дракон немного наклонился. Я увидела море отчетливо. По нему плыл корабль. И в этом бескрайнем просторе тысячей свечений отражалось солнце. Оно проложило дорогу. И мы полетели к нему.

Эббе стал аккуратно кругами снижаться недалеко от яблочного сада, но так, чтобы нас не могли увидеть. Я не удержалась.

жалась и решила хоть на малой высоте испробовать: раскинула руки и приняла на себя все потоки воздуха. По-моему я кричала и ликовала, честно говоря, это плохо помню. Дракон не останавливал меня. Он случайно коснулся одной из верхушек деревьев, я почувствовала толчок и вылетела из импровизированного седла. Теперь я падала.

Эббе среагировал мгновенно. Он завернул меня в крылья, как в кокон, и принял на свою спину тяжеленный удар о землю. Я очнулась, будто ото сна. Мне стало так совестно, как еще, наверное, никогда в жизни. И страшно. Из-за моей прихоти дракону больно. Да еще и меня при этом он сумел уберечь. Поистине, я ничегошеньки не знаю о драконах! Я вскинула голову, ища его глаза и пытаюсь понять, насколько ему плохо. Два зеленых с голубым отливом огонька смотрели на меня с такой нежностью, что я покраснела.

– Мне не больно: моя шкура прочнее камня. Впрочем, хорошего в этом мало. Но мне приятно, что ты волнуешься за меня. Элин, ты прирожденная наездница на драконах, – улыбка. – Ты помнишь? С тебя еще песня.

Честно говоря, после всего перенесенного, я абсолютно не была уверена, что смогу хоть какие-нибудь звуки издавать. И вдруг меня осенило: он же улетит, как только я ему спою! И я его больше никогда не увижу. Но уговор есть уговор. В конце концов, какая мне разница? Мысли путались. Я медленно соображала, что бы такое подходящее исполнить...

– Спой из ваших древних песен твою любимую...

Такая у меня есть. Не знаю, кто и когда ее сочинил, но для меня эта баллада почему-то была всегда чрезвычайно важна. И я никому ее не пела. Вот только что ему...

Мой голос звонким бубенцом звучал в рассветных лучах. Странно, но я совершенно не волновалась! Я чувствовала, как сияние наполняет каждую росинку на его перьях и каждую душу. Его и мою.

Слезами синего дождя,
Ветрами южных гор,
На крыльях облака летя,
Он покидал мой двор.
Он знал, что не вернется вновь,
Я верила – дождусь.
И неизведана любовь
Лишь добавляла грусть.
Слезами серого дождя
Пролились небеса...
Он знал, что не придет, пройдя
Все гиблые места.
Он так и не сказал тогда
О том, чего хотел.
Лишь знала чистая вода —
Война его удел!
Слезами алого дождя
Лилась честная кровь.
Когда врага семьи рубя,
Он вспоминал любовь,

Которая осталась там,
За тридевять земель,
В краю, где братом облакам
Он был... А что теперь?
Слезами острого дождя
Пронзала сердце боль.
Он не придет ко мне, пройдя
Несправедливость доль...
Улыбкой вешнего дождя
Не озарится двор,
На крыльях облака летя,
Не спустится он с гор...

Песня давно стихла. Мы стояли и молча смотрели друг на друга. Я не спрашивала, но его глаза ясно говорили, что мы больше не увидимся. В них читалось такое сожаление и грусть, что у меня внутри, кажется, все перевернулось, раскололось и снова попыталось срастись. Я почувствовала, что меня начинает бить легкий озноб.

Молчание затягивалось. Эббе вздохнул.

– Пора!

Дракон развернулся, взмахнул крыльями и взлетел. Не обернулся.

И хотя он давно уже исчез, я долго стояла и смотрела ему вслед. А потом, переполненная впечатлениями, залезла на дерево и уснула в ветвях старой яблони.

Глава 5

Хорошо все видится с высоты птичьего полета! Как на ладони в яблочном саду моя сестренка Ингрид собирает спелые фрукты. Непросто достать до сочных плодов. Сразу видно, что ей это в новинку. Раньше всегда это делала я.

Теперь же я в изгнании. У меня больше нет права стоять на земле своих предков и говорить с родными. Но наблюдать за ними мне запретить никто не может. Я вздохнула и направилась на вершину холма.

Пожухлая трава спутывала босые ноги. В воздухе парило, и редкие птицы летали очень низко. Вдали собиралась гроза. Надо успеть до старых развалин – там довольно уютно обосновался мой временный приют. Пока усталые ноги мерно шагали в его сторону, я мысленно вернулась к событиям вчерашнего дня.

В то утро я проснулась на ветвях старой яблони. Солнце стояло уже высоко, но день еще не дошел до полуденной черты. Я открыла глаза и попыталась сообразить: где я и что со мной произошло. Яркие солнечные лучи слепили и мешали сосредоточиться. Я аккуратно приподнялась на руках и потянулась. Затекшие члены сладко отозвались. Спрыгнув с последней ветки, моя сущность каждой своей клеточкой устремилась к реке. Этот осенний день выдался на редкость жарким, так что окунуть еще спящее разомлевшее те-

ло в студеную воду оказалось чрезвычайно приятно. Обтерев ладонями надоедавшие капли, я стала спешно натягивать уже заношенную одежду, еще хранившую на себе грязь того дня, когда я покинула дом. Воспоминания нахлынули нескончаемым потоком... Надо еще придумать, что сказать отцу.

Я сбежала из дома, ослушалась вождя, по сути, ушла из рода. У нас так говорили о людях, которые умерли. Мои поступки равносильны этому. В итоге, я не надумала ничего лучше, нежели привести себя в полный порядок и пойти в деревню, а там уже действовать по ситуации.

Родная тропка напрямиком вывела меня к нашему поселению, не обманула. Люди стали замечать изгнанницу, останавливались. Я теперь здесь чужая. Что еще хуже: подумают, вдруг это оборотень в моем обличии. Тогда придется доказывать, что я – это я и ничего хорошего от этого точно не жди.

Я увидела его. Отец стоял, склонившись над сгоревшими развалинами. Рядом парни, способные держать топор, уже отесывали первые поваленные бревна. Я поняла: хотят сладить на старом месте новую избу. Добро. На негнущихся ногах я смело стала приближаться к вождю. Отец замер, увидев свою пропавшую дочь. Люди вокруг тоже побросали свои дела и смотрели во все глаза.

Видок, конечно, у меня еще тот – я уже сказывала, какая грязная и перепачканная одежда скрывала мою наготу.

Однако лицо мое сияло и чуть-чуть покраснело при столь пристальном внимании. Говорят, в подобных случаях меня покрывал совершенно прекрасный румянец, и я смотрелась милее, чем когда-либо. Ох, к добру или нет?

Вождь молча смотрел на меня. В его глазах читалась радость и ликование оттого, что я жива; суровость из-за моего слушания; вопрошение о драконе и небольшая растерянность от незнания: что же дальше-то делать?

Мне казалось, что мое ликующее лицо ясно говорило: опасность нам больше не угрожает. Я пыталась передать во взгляде свои мысли и чувства, вселить в отца уверенность и понимание моего поступка.

Рядом с ним появилась мать так легко и непринужденно, что никто ее поначалу даже не заметил. Я залюбовалась. В моем воображении иногда непроизвольно появлялось сравнение ее с белой лебедушкой, мягко качавшейся на волнах. Столько грации и красоты в ее походке! Иногда создается впечатление, будто она ничего не весит, как перышко...

Я посмотрела на маму и попыталась снова все передать ей мысленно.

В этот момент отец провозгласил:

– Кто ты и зачем явилась на нашей земле?

Всегда перед знакомством главное узнать имя человека. В старые времена считалось, что в настоящем имени кроется недюжинная сила, и узнавший его имеет поистине без-

граничные возможности над проговорившимся. Люди всегда старались при первой встрече назваться так, чтобы имя звучало как прозвище, а еще лучше, если скажет его за тебя кто-нибудь дугой. Возможно, именно поэтому дракон не захотел мне открываться – не доверял...

Мне же нечего скрывать. Я знаю род, и его древние традиции и обряды. Этот разговор – один из них.

– Я Элин, дочь Эмиля и Меты, живущих на Потерянном острове, который можно рассмотреть только в лучах восходящего и заходящего солнца; правнучка прославленного Орвара, спасшегося от дракона.

– Ты называешь себя, как моя ушедшая старшая дочь. С чего мне знать, что это Элин вернулась из царства мертвых?

– Я уходила, чтобы стать жертвой дракона, который летал над островом и причинял неприятности. Крылатый ящер пощадил нас и улетел. Он просил меня передать всему роду, чтобы мы ничего больше не боялись. Драконы нас не тронут.

Дракон. Мне становится как-то не по себе, когда я называю его крылатым ящером, но расскажи я, как все было на самом деле, мне точно никто бы не поверил.

Я вспомнила пушистые перья и горячи мышцы; чарующую ночь и бескрайний полет. И самый прекрасный в моей жизни рассвет. А потом вмиг спохватилась: как бы сии приятные мысли не отразились на моем лице, иначе я буду выглядеть очень глупо.

– Ты говоришь, поистине, странные вещи, называющая себя Элин. Никогда еще кровожадные змеи – здесь, ко всему ужасу трагической ситуации, меня чуть не стало распирать от смеха – не щадили наших прадедов. С чего бы им менять свои привычки?

Вопрос отца прозвучал грозно. Я вздохнула.

– Дракон передо мной не стал отчитываться: почему, да как. Просто сказал и улетел. – Я вспомнила, как его силуэт тает в рассветных лучах. – У вас есть полное право мне не верить, но разве потревожила род крылатая тень с тех пор, как я ушла?

– Ты права. С тех пор, как исчезла Элин, ничего плохого с нами не происходило. Раз ты утверждаешь, будто являешься моей старшей дочерью, то должна знать, что происходит с ослушавшимися вождя.

– Я знаю. Изгнание.

– Верно. Я приговариваю тебя к изгнанию на три дня и три ночи. И если кто-нибудь заметит твой след на нашей земле – не будет тебе пощады. Если ты пройдешь это испытание, тем же сроком будешь поститься взаперти. Третье же испытание тебя ждет такое. Элин была великой мастерицей петь. Если после всего вышеперечисленного ты споешь так, что соловьи будут заморожено слушать, я и весь род признаем тебя. Если ты действительно моя дочь, то сделаешь все правильно и выдержишь. Если же не осилишь хоть одно испытание – останешься в изгнании навсегда. Обратням здесь

не место!

Мать смотрела на отца умоляющим взглядом, но он остался непреклонен. И я его поняла. Он – вождь. Никто не сомневался, что я – это я, но традиции есть традиции. Если бы отец не устроил мне испытаний, люди стали бы говорить недоброе – мало ли что. А так я докажу, что не злой оборотень, и тогда уже никто не будет сомневаться в моих словах.

Возможно, мне удастся даже убедить их, что драконы нам больше не опасны, хотя, как справедливо заметил Эббе, древний ужас слишком прочно засел в наших головах. Ну да ладно, сначала надо вернуться в род, а потом уж думать, что да как. Я ведь, действительно, послушалась отца. А он мне дает второй шанс. Это немало стоит.

Я почувствовала на себе чей-то взгляд и подняла внезапно потяжелевшую голову. Мама смотрела на меня ласково, как всегда, как будто просвечивая все мои тайные мысли насквозь. Она все поняла. Она рада, что я жива. И она верит мне безо всяких проверок. Какая же мать не узнает свое дитя? Мама была недовольна решением отца, но даже ей не под силу спорить с традициями рода и решением вождя. Ничего, мамочка, я все выдержу, не опозорю! Зря, что ли, вы так долго и упорно воспитывали и учили свою дочь?..

Ну вот и показались впереди старинные развалины. Величавые обломки блестели и переливались, радуя глаз лазурно-радужными красками и рассеивая легкие отсветы по окружающим холмам. Интересно, что за народ здесь жил?

Поистине, монументальный памятник оставил он о себе несуществующим потомкам. Я не заходила далеко внутрь, да и никто здесь, насколько я знаю, не гулял. Даже сейчас все еще было сложно перебраться через искусственные рвы и неприступные стены – строители явно очень постарались защититься от кого-то. Наше семейство ограничилось теми знаниями, которые можно было почерпнуть, если залезть на самую высокую точку ближней к нам стены. Общее представление есть и ладно.

Я бы с удовольствием отправилась на исследование старого города. Меня всегда манило ко всему древнему и загадочному. Вдруг, я бы нашла какие-нибудь записи о людях, семействах, целом народе? Проблема в том, что для этого нужна примерно неделя, если рассматривать все и заглянуть в каждый уголок, а дома всегда находится столько дел. Да и мала я еще для таких походов. Хоть и могу за себя постоять, отец меня одну не отпустит. Он, как всегда, со смехом ответит, что не женское это дело – по неприступным развалинам шастать. Сейчас же у меня есть время отправиться на разведку, но надо подумать о провизии. Мне скоро сидеть поститься, так что пока надо наесться.

Ох, и намаялась же я за день, поскорее бы поесть! Я собирала грибы и ягоды, искала съедобные коренья, набирала ключевую воду... Вчера поужинала яблоками – благо, братишка смог незаметно передать мне чудесный мешочек. Изгнание изгнанием, а еду передавать никто не запрещал. Брат

не разговаривал со мной и не прикасался, так что не нарушил своей выходкой ни один из отцовских запретов. Он просто сделал так, что на моем пути оказался мешок с провизией. Добро. Здесь же был пузатый кувшин с молоком и у меня на ужин его еще немного осталось. Лепота! Слюнки потекли, как подумала обо всем этом. Ходила целый день и ничего. А теперь желудок запел.

Вот и мое пристанище показалось! Обшаривая вчера весь вечер окраины развалин, возле стены я нашла довольно просторное углубление в земле: если туда залезть и стать на колени, края ямы все еще чуть-чуть укрывают с головой. Сверху над ней нависли тяжелые сладко пахнущие ветви огромного дуба – прекрасное укрытие от дождя. Этот дуб был почти в два раза меньше того, что растет посередине сада, но и рядом с ним чувствовалось какое-то могучее величие. Я спрыгнула в яму – мягкая осенняя земля ласково приняла мои босые ступни. Здесь уже все было устроено на подобие дома: там, где листва погуще, на полу многовековой периной сбились старые пожухлые листья, с другой стороны сложены ветки для будущего костра. Там, где есть очажный огонь, там – дом. Я давно, еще будучи маленькой девочкой, выучила науку – как разгорячить очаг так, чтобы листва сверху не загорелась. Помню, тогда у братьев вышло почти сразу, а я долго мучилась. Отец раз за разом обучал и рассказывал, и даже показывал сам, и заставлял сидеть – следить внимательно за действиями братьев, но вот не получа-

лось и все тут. А потом наступила зима. Папа и братья ушли в море рыбачить. В тот день было холодно, и мама попросила меня развести огонь в очаге. Я трудилась часами, но упрямые ветки так и не хотели гореть. Мы начинали замерзать, а нам этого делать никак нельзя: простуду маленькие сестры могли просто не перенести. Я понимала это и трудилась все яростнее и яростнее и... о чудо!... у меня вышло! Именно так, как и всегда учил отец. С тех пор только такой огонь в моих руках и получается. Когда я подросла, то долго думала: почему же мама не попросила тогда соседей, и почему отец ушел из дома, не затеплив очага? Скорей всего, они рассчитывали именно на меня. С одной стороны, конечно, жестко, но с другой... я уверена, что они были рядом, и если бы это я так и не осилила, помощь бы тут же явилась. Так было всегда. Что ж, сейчас пришло время проверить полученную науку в действии. Самой. Я, конечно, уже делала это много раз, но никогда в одиночестве. Я вздохнула и занялась кропотливым делом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.